

К 100-летию со дня рождения С. Я. Маршака

Архив ЛГ

В пути с утра до первых звезд,
От бурь не знает он защиты,
Но много дней и много верст
Его терпению открыты.

Пронесся поезд перед ним,
Прошел, ступа на каждый шаг,
Оставил в небо редкий дым
Да бледный след на тусклой стали.

Звенит астротворенная тишь,
Гудит смятенная дорога,
Но он спокоен: немалого
Опередил.

Я вспоминаю это одно из самых ранних стихотворений Маршака и думаю, что в нем весь автор — «взрослый» и «детский», оригинальный поэт и переводчик, организатор нашей детской литературы.

И еще одно стихотворение, которое прочитал мне Самуил Яковлевич в декабре шестидесяти третьего — дома, на улице Чкалова. Он был тогда уже очень и безнадёжно болен, задыхался, тяжело кашлял.

Все те, кто дышит на земле,
При всем их самоменнии —
Лишь отраженье в стекле,
Ни более, ни менее.

Налих людей я в мире знал,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зеркала
Как будто зрелище было.

Я знаю, мы обречены
На смертью до дня рождения,
Но для чего страдать должны
Все эти отражения?

И неужели только сон —
Все эти краски, звуки,
И грохот миллионов тонн,
И стон предсмертной мушкет?

В философской лирике последних лет сконцентрирован огромный жизненный опыт поэта. Маршак словно торопился: торопился писать, торопился читать написанное друзьям и знакомым, по-юношески беспокойно ожидая доброго отклика, торопился даже печататься. Он, по существу, пришел к лирике не в молодости, как это бывает у большинства поэтов, а в старости, и потому его стихи отмечены особой глубиной и искренностью. Прежде всего, может быть, стихи о жизни и смерти.

Сколько лет прошло с того памятного декабрьского утра шестидесяти третьего, а в ушах у меня и по сей час звучит мягкий, хриловатый голос Самуила Яковлевича:

Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден...
...Мир умирает каждый раз
С умершим человеком.

Старайтесь сохранить тепло стыда,
Вся что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

И вдруг неожиданное:
Ты старомоден. Вот расплата
За то, что в моде был когда-то.

В лирике последних лет Маршак как бы впервые оглядывается на все пережитое и виденное. Тут и мысли о высокой цели литературы и искусства, и сдерживание быстротекущей жизни со всеми ее страстями, радостями, печалью и заботами:

В столичном немолкнувшем гуле,
Подобном падению вод,
Я слышу, как думают люди,
Идущие враз и вперед.

Проходит народ молчаливый,
Но даже свист уличной шум
Я слышу призыв, отлив,
Весь мир обнимающих дум.

По-моему, Маршак никогда не переживал пору ученичества. Его долгая литературная жизнь не делится на юность, зрелость и наступившую старость.

Его детство и молодость были окружены прекрасными книгами. Его привлекали Стасов, Горький, Репин, Римский-Корсаков, Шаляпин, Глазунов. Он был современником Блока, Хлебникова, Бальмонта, Северянина, Маяковского, Демьяна Бедного, не говоря уже о поэтах более поздней поры, но сам он никогда не находился в центре литературных страстей и влияний. Он верил в «вечные истины» и всегда соотносил их с опытом современной эпохи.

Он был безмерно талантливым и энциклопедически образованным, и ему были не нужны специальные поиски формы. Но традиционная форма не исключала для него новаторства.

«Майя» — так называлось одно из ранних стихотворений Маршака, написанное по мотивам индийских сказаний Рамакришны. Дата его публикации — 1915 год. Но сравните это стихотворение с поздней лирикой Маршака, с его стихами для детей, с сатирой времен Отечественной, перечитайте его переводы Шекспира, Бернса, Гейне, Блейка, Китса, Петфи, Мильна, Родари, английских и шотландских баллад, чешских народных песенок, и вы поймете, что все это — русская поэзия Маршака.

Вспомним лишь маршаковского Бернса:

У которых есть, что есть, —
те подчас не могут есть,
А другие могут есть,
да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть,
да при этом есть, чем есть, —
Значит, нам благодарить остается небо!

Правда, такие стихи даже как-то неловко называть переводом. Маршаку было свойственно чуткое, обостренное восприятие русского слова во всех его смысловых оттенках, во всей музыкальной наполненности и щедрой образности. И ничего «книжного»!

Помню, в тридцать восьмом году Маршак приехал на занятия нашей литературной студии в московском городском Доме пионеров, а первую Стопани, шесть. Попросил нас почтить стихи. Слышал молча, с какой-то отстраненной осторожностью. Потом сказал:

— Вот все вы вроде разные, а стихи пишете одинаково книжные. Писать надо о том, что видишь, что знаешь, что чувствуешь, а не о том, о чем прочитал в книжке. В революции вы не участвовали, а пишете о ней. На гражданской войне не были, а пишете. И на границе не были, и